

СВЕТЛАНА ЧЕРВОННАЯ ▶

**Национальные и этнические меньшинства
в культурно-политической стратегии
польского государства: позитивный
и негативный опыт последней четверти века
(с конца 1980-х до начала 2010-х годов)**

Один из парадоксов новейшей истории Польши заключался в том, что национальные и этнические меньшинства, казалось бы, более, чем польское большинство, страдавшие от притеснений в ПНР и по логике вещей призванные самым активным образом включиться в борьбу с этим режимом, прежде всего в движение «Солидарности» 1980-х годов, на самом деле с «Солидарностью» были связаны слабо, с подозрением и опасением относились ко всему, что, как некоторым казалось, выявляет националистический, или шовинистический характер этой «чисто польской» силы, а порою становились опорой агонизирующего коммунистического режима, поддерживая такие его шаги, как введение в Польше военного положения¹.

¹ Так, например, в драматической ситуации оказалось в начале 1980-х годов белорусское меньшинство в Белостокском воеводстве. «Солидарность» не нашла (впрочем, вероятно, и не искала) здесь взаимопонимания с белорусами, рассматривая их как частицу тоталитарной системы, поскольку в местных партийных органах и органах безопасности оказалось немало лиц белорусской национальности. Большинство белорусского населения, исторический опыт которого подсказывал, что все резкие общественные перемены в Польше идут не на пользу меньшинст-

Между тем, «Солидарность» с самого начала стремилась выработать новое отношение к национальным и этническим меньшинствам в стране, связать их права с широкой проблематикой прав человека, а их благополучие – с перспективой построения демократического общества и государства. Уже на Первом съезде «Солидарности» была принята Резолюция, касающаяся меньшинств. В ней говорилось: „Dbając o rozwój kultury polskiej, otwartej na dorobek innych narodów, wyrażamy wolę wykazania nie mniejszej dbałości o to, by obywatele polscy należący do innych narodów i grup etnicznych – Białorusini, Cyganie, Grecy, Litwini, Łemkowie, Niemcy, Ukraińcy, Tatarzy, Żydzi i inne narodowości – znaleźli we wspólnej z Polakami Ojczyźnie warunki do swobodnego rozwoju swej kultury i przekazywania jej następnym pokoleniom”².

Созданный в декабре 1988 года Национальный Гражданский Комитет (Krajowy Komitet Obywatelski) сформировал Комиссию по сотрудничеству с национальными меньшинствами, которую возглавил известный правозащитник, бывший узник варшавского гетто и участник сопротивления Марек Эдельман. В состав Комиссии вошли представители украинского, белорусского и литовского меньшинств.

ва и только вызывают очередной всплеск польского национализма, весьма сдержанно, если не сказать настороженно отнеслось к деятельности «Солидарности». Беспокойство усиливали провокации, возможно, организованные спецслужбами: распространялись слухи о том, что поляки готовят список приверженцев православной веры, которые будут подвергнуты погромам; в некоторых многоэтажных домах в Белостоке чья-то неизвестная рука ставила знаки на дверях квартир, в которых проживали белорусы. Неудивительно, что после двух лет (1980–1981) напряжения и ожидания самого худшего белорусы с облегчением приняли введение военного положения в стране. Это слишком сильно контрастировало с тем общим состоянием подавленности, в которое погрузилось польское общество, чтобы поляки могли не заметить и легко простить белорусам их радостное воодушевление в те дни, когда польский народ переживал свое национальное несчастье. Диалог между «Солидарностью» и белорусским меньшинством начался значительно позже на страницах нелегальной литературы, издаваемой в период действия военного положения (См. об этом: E. Mironowicz, *Białorusini*, [в:] *Mniejszości narodowe w Polsce. Państwo i społeczeństwo polskie a mniejszości narodowe w okresach przełomowe politycznych (1944–1989)*, red. P. Madajczyk, Warszawa 1998, s. 11–65).

² Цитируется по публикации в статье: S. Łodziński, *Struktura narodowościowa Polski i polityka państwa wobec mniejszości w latach 1989–1992*, „Kultura i Społeczeństwo”, 1992, nr 3.

7 апреля 1989 г. в Польше был принят «Закон об общественных объединениях», который ликвидировал фактически существовавшую до той поры «монополию», когда интересы любого национального меньшинства в ПНР могла представлять только одна организация. Открылась возможность для широкого плюрализма – создания различных культурных, просветительских, религиозных объединений, представляющих интересы национальных меньшинств.

Накануне открытия «Круглого стола», определившего перелом во всей истории Польши, пять представителей национальных меньшинств (три украинца, два белоруса и один литовец) направили его участникам открытое письмо с просьбой включить проблему меньшинств в программу дискуссии между оппозицией и властью³. На одном из заседаний «Круглого стола» по этой проблеме выступил Яцек Куронь.

В мае 1989 года, накануне выборов, к народу обратился Лех Валенса, уделив в своем послании значительное место проблемам национальных меньшинств. Будущим депутатам польского парламента он наказывал проявлять в этом вопросе особенную чуткость и человечность, положить конец эпохе взаимных упреков, наносимых друг другу обид и «дать начало новому, достойному третьего тысячелетия периоду сосуществования над Вислой разных народностей, культур и вероисповеданий»⁴.

Третья Польская Республика как демократическое государство начинала свою историю с признания прав национальных меньшинств. Тадеуш Мазовецкий в своей программной речи перед депутатами Сейма 10-й каденции в сентябре 1989 года сказал о том, что «Польша является также родиной национальных меньшинств»⁵.

2 августа 1989 г. Сейм сформировал парламентскую Комиссию по делам национальных и этнических меньшинств, ее первым председателем стал Яцек Куронь.

³ Опубликовано, „Tygodnik Powszechny” 1988, № 44. S. 2.

⁴ Lech Wałęsa, *Do wyborców w sprawie mniejszości*, „Gazeta Wyborcza”, 15.05.1989, nr 6, s. 1.

⁵ *Exposé premiera Mazowieckiego/stenogram/* (Ксерокопия документа в распоряжении автора).

Вопросы, касающиеся национальных меньшинств, были переданы в ведение Министерства культуры и искусства (раньше они находились в ведении Министерства внутренних дел). Это, казалось бы, чисто формальное решение имело символическое значение, знаменуя новый политический курс страны. В Министерстве культуры и искусства был создан комитет по делам национальных меньшинств, преобразованный в 1992 г. в Департамент, а в 1994 г. – в Бюро по делам национальных меньшинств.

Законодательное регулирование проблем, касающихся положения национальных меньшинств, в Третьей Речи Посполитой протекало в тесной связи с изменениями внутренней политики, с процессами демократизации, создания открытого общества, укрепления основ веротерпимости и защиты прав человека и прав меньшинств.

Основные права национальных меньшинств в Третьей Речи Посполитой были определены Конституцией, принятой 2 апреля 1997 года. Ее 35-я статья гласит:

- «1. Польская Республика обеспечивает польским гражданам, относящимся к национальным и этническим меньшинствам, свободу сохранения и развития своего языка, обычаев, традиций и своей собственной культуры.
2. Национальные и этнические меньшинства имеют право создавать собственные просветительские, культурные учреждения и иные институты, служащие целям защиты религиозной идентичности, а также имеют право на участие в рассмотрении и решении вопросов, касающихся их культурной идентичности»⁶.

На различных конкретных примерах, – в частности, на примерах создания белорусских, немецких общественных организаций в Польше, – можно видеть, как энергично воспользовались национальные меньшинства предоставленными им конституционными правами для развития многогранной общественной, политической, воспитательной, просветительской, религиозной, культурной деятельности.

Белорусы еще в 1989 году, в период заседаний «круглого стола», создали и зарегистрировали в Белостоке Белорусский Клуб, который

⁶ Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997, Art. 35, ust. 1–2, Dz.U. 16 lipca 1997, nr 78, poz. 483.

должен был стать базой в июньской выборной кампании. В сентябре 1989 года он был преобразован в Белорусский Общественный Комитет «Громада» (Białoruski Komitet Społeczny „Hromada”). 10 июля 1990 года часть его членов основала политическую партию «Белорусское Демократическое Объединение» (BZD – Białoruskie Zjednoczenie Demokratyczne), которая опиралась на традиции довоенной христианской демократии, отбрасывая при этом радикализм (требования белорусской автономии в Польше, «крестьянско-пролетарскую» риторику), характерный для социалистической «Громады», которая в довоенной Польше играла порою роль опасного связующего звена между белорусским меньшинством и советскими спецслужбами. BZD сконцентрировало свое внимание на задачах возрождения белорусской культуры, выдвинув требования равноправия белорусского и польского языка на территориях, заселенных белорусами; возвращения аутентичных названий местностям и соблюдения двуязычия в официальных административных наименованиях сел, городов и географических, природных объектов; более широкого доступа белорусского меньшинства к средствам массовой информации, создания двуязычных начальных школ, предотвращения экономической и экологической деградации регионов, заселенных белорусами. Почетным председателем BZD был выбран известный белорусский писатель и журналист Сократ Янович. Печатным органом BZD стала газета «Бялорускийя Навины» („Nowości Białoruskie”). Бывшее Белорусское общественно-культурное товарищество (BTSK) утратило свое монопольное положение в качестве единственной организации, представляющей белорусское меньшинство. С апреля 1992 года начал свою деятельность Союз белорусской молодежи (ZMB – Związek Młodzieży Białoruskiej). 15 мая 1993 года был заложен Белорусский Союз в Польской республике (ZBwRP – Związek Białoruski w Rzeczypospolitej Polskiej). Под «крышей» этой организации развернули свою деятельность шесть национальных белорусских объединений: литературное объединение «Бяловежа» (возникло в 1990 году), объединение белорусских журналистов (создано в 1992 году), совет ежегодника «Нива», Белорусское объединение студентов (как «неформальная», фактически подпольная организа-

ция оно существовало еще в ПНР, с осени 1981 года), Белорусское товарищество «Хатка» в Гданьске и BZD. С 1993 года успешно действует Белорусское историческое товарищество (BTH – Białoruskie Towarzystwo Historyczne), которое занимается пропагандой знаний по истории белорусского народа и издает «Белорусские исторические тетради» („Białoruskie Zeszyty Historyczne”). Рядом с этим ведут свою религиозно-просветительскую работу (правда, не только среди белорусов, но также среди православных верующих других национальностей) Православное Братство Святого Кирилла и Мефодия и Молодежное Православное Братство.

Союз немецких общественно-культурных объединений (VDG – Verband der deutschen sozial-kulturellen Gesellschaften in Polen/ Związek Niemieckich Stowarzyszeń Społeczno-Kulturalnych w Polsce)⁷, созданный в 1991 году (резиденция его Правления находится в Ополье) объединяет 17 немецких организаций, среди которых наиболее крупными являются Общественно-культурное товарищество немцев в Опольской Силезии⁸, Общественно-культурное общество немцев Силезской области, Союз молодежи немецкого меньшинства в Польше, Союз немецких организаций бывшей Восточной Пруссии, Союз силезских крестьян, Союз силезских женщин, Немецкое просветительское общество и его молодежная организация «Форум». Свои объединения, входящие в VDG на правах постоянных и ассоциированных членов имеют немцы Гданьска, Познани, Лодзи, Торуня и других городов и областей страны. Формально независимо от VDG, но в тесном сотрудничестве с ним действуют немецкая организация «Примирение во имя будущего» („Versöhnung und Zukunft / Pojednanie i Przyszłość”) в Катовицах и «Мазурское общество» (Masurische Gesellschaft) в Ольштыне, издающее на немецком языке журнал «Masurische Storchenpost».

Несколько немецких организаций Польши представлены в Федеральном Союзе народов Европы (FUEV – Föderalistische Union der

⁷ См. о нем: М. Wittek. *Verband der deutschen sozial-kulturellen Gesellschaften in Polen. 1997–2007*, Opole 2008.

⁸ *Его деятельности за 20 лет (1989–2009) посвящен изданный на двух языках сборник: 20 lat TSKN na Śląsku Opolskim /20 Jahre der SKGD im Oppelner Schlesien*, Opole–Oppeln 2009.

Europäischen Volksgruppen), имеющем консультативный статус при ООН и Европейском Совете⁹. ФСНЕ (FUEV) на своих ежегодных конгрессах заслушивает доклады с мест, принимает резолюции, обращающие внимание на любую неблагополучную ситуацию, организует инспекционные поездки (Fact-Finding-Missions), участвует в разработке международных актов, определяющих права национальных меньшинств.

Важнейшими международными актами, которыми руководствуется современное Польское государство в своей политике по отношению к национальным и этническим меньшинствам являются Всеобщая Декларация Прав Человека¹⁰, Европейская Конвенция Прав Человека и Основных Свобод¹¹, Пакт Гражданских и Политических Прав¹², Декларация прав лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам¹³, Конвенция ЮНЕСКО (1960 года) «Против дискриминации в сфере образования», Международная конвенция «О ликвидации всех форм расовой дискриминации» (1966), конвенции Международной Организации

⁹ О деятельности ФСНЕ см.: С.М. Червонная, *Федеральный Союз народов Европы. Конвенция об основных правах европейских народов*, «ЭТНОПОЛИС» (Этнополитический вестник России) 1993, № 2 (4), С. 71–79; J. Kühn, *The Federal Union of European Nationalities. An Outline History 1949–1999*, Haderslew 2000.

¹⁰ Принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 г.

¹¹ Принята Советом Европы 4 ноября 1950 г. В ее 14-й статье содержится положение о запрете национальной и этнической дискриминации. Польша подписала Европейскую Конвенцию Прав Человека 19 января 1993 г.

¹² Принят Организацией Объединенных Наций в 1966 г. Содержит 27-ю статью, в которой говорится о том, что в государствах, в которых существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, представители этих меньшинств не могут быть лишены права на собственную культурную, религиозную жизнь и на использование совместно с другими членами данной группы своего родного языка.

¹³ Принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 18 декабря 1992 г. Обязывает государства, являющиеся членами ООН, к принятию действенных мер, обеспечивающих представителям меньшинств возможность пользоваться всем правами человека и гражданскими свободами без малейшей дискриминации и в условиях полного равенства перед законом.

Труда¹⁴, Заключительный Акт Конференции по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе¹⁵, Документ Копенгагенской встречи по вопросам человеческого измерения¹⁶, Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств¹⁷, наконец, Рамочная Конвенция Совета Европы «Об охране национальных меньшинств»¹⁸.

Стратегический курс Польского государства (Третьей Республики), направленный на признание и защиту прав национальных меньшинств, формируется не в изоляции от мирового и европейского опыта, как нечто вроде «нашего внутреннего дела» („pro domo sua”), а напротив, из прогрессивного мирового и европейского опыта исходит, на него опирается, оказывается в генеральном русле современной политики Европейского Союза. Двумя основными рычагами этой политики являются, с одной стороны, обеспечение прав представителей меньшинств в реальной жизни, в экономике, образовании, в доступе к общенациональным ценностям, в обеспечении их активного участия в органах управления и т.п. (так называемая «защита через политику»), с другой стороны, законодательная деятель-

¹⁴ Конвенция МОТ № 111 запрещает дискриминацию по национальному признаку в сфере затруднения и работы по специальности; Конвенция МОТ № 169 предусматривает охрану автохтонного населения.

¹⁵ Заключительный Акт Конференции, принятый 1 августа 1975 г., содержит статью (часть IV, пункт 8), посвященную охране прав национальных меньшинств. В декабре 1994 г. Конференция преобразована в постоянно действующую Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

¹⁶ Принят в июне 1990 г. в Копенгагене на встрече руководителей стран, представленных на Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, содержит статьи (30, 39, 40 в части VI), запрещающие дискриминацию и обязывающие правительства стран – членов ОБСЕ – к охране этнокультурной и религиозной идентичности национальных меньшинств на своей территории.

¹⁷ Принята Советом Европы в июне 1992 г., вступила в силу после ее ратификации пятью государствами – членами Совета Европы – 1 марта 1998 г.

¹⁸ Принята Советом Министров Совета Европы 10 ноября 1994 г. Открыта для подписания государствами – членами Совета Европы – 1 февраля 1995 г. Вступила в силу после ее подписания и ратификации 12-тью европейскими государствами 1 февраля 1998 г. Польша ратифицировала ее 27 апреля 2000 г. (Dz.U. 2000, nr 50, poz. 579).

ность, официальная легализация меньшинств и определение их статуса («защита через право»)¹⁹.

В системе «защиты через право» огромное значение в Польше имел долго готовившийся, с большим трудом – в горячих общественных дискуссиях, в поисках компромиссов, в дипломатической «большой игре», в отчаянных попытках согласования разно направленных интересов – пробивавший себе путь и, наконец, принятый Сенатом Польши 6 января 2005 года Закон «О национальных и этнических меньшинствах и о региональном языке» (*Ustawa z dnia 6 stycznia 2005 r. O mniejszości narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym*). Остановимся на нем подробнее, поскольку он концентрирует в себе те принципы, какие определяют стратегию государственной политики в отношении национальных меньшинств, а также отражает те противоречия и слабые стороны, какие в этой политической стратегии очевидны.

Статья 2-я этого закона включает перечисление признаков, совокупность которых определяет положение группы в качестве национального меньшинства, ее право на статус национального меньшинства: 1. она должна быть численно меньшей, чем остальная часть населения Польши; 2. она должна существенно отличаться от других граждан Польши языком, культурой или традицией; 3. она должна стремиться к сохранению своего языка, культуры или традиции; 4. она должна обладать сознанием собственной исторической национальной общности и быть ориентирована на ее выражение и сохранение; 5. ее предки должны жить на нынешней территории Польши не менее 100 лет; 6. она должна отождествлять себя с нацией, организованной в собственном государстве. Далее перечислены 9 групп, признанных на основании этих признаков национальными меньшинствами Польши. Это (в алфавитном порядке польского языка и Закона) – белорусы, чехи, литовцы, немцы, армяне, русские, словаки, украинцы, евреи. Одновременно 3-я статья этого Закона определила признаки и число этнических меньшинств Польши (караимы, лемки, цыгане, татары), которые должны обладать теми же пятью

¹⁹ См. об этом подробнее: M. Opitz, *European Governance. Neue Chancen für den Minderheitenschutz durch die Europäische Union*, München 2008.

из шести выше перечисленных признаков, в то время как 6-й признак у них имеет противоположный характер (6. этническое меньшинство не должно отождествлять себя ни с каким народом / нацией, организованным в собственное государство / „nie utożsamia się z narodem zorganizowanym we własnym państwie”)²⁰. Тот же Закон (статья 19) определил в качестве единственного регионального языка, признанного в Польше, соответствующего понятию регионального языка, введенному в Европейскую хартию региональных языков и языков меньшинств (язык, традиционно используемый на территории государства его гражданами, составляющими численное меньшинство по сравнению с остальными гражданами, отличающийся от официального языка и не являющийся ни диалектом, ни языком мигрантов), кашубский язык (1. *Za język regionalny w rozumieniu ustawy, zgodnie z Europejską Kartą Języków Regionalnych lub Mniejszościowych, uważa się język, który: 1) jest tradycyjnie używany na terytorium danego państwa przez jego obywateli, którzy stanowią grupę liczebnie mniejszą od reszty ludności tego państwa; 2) różni się od oficjalnego języka tego państwa; nie obejmuje to ani dialektów oficjalnego języka, ani języków migrantów. 2. Językiem regionalnym w rozumieniu ustawy jest język kaszubski*”).

Согласно статьи 4.1. этого Закона «Каждый человек, принадлежащий к национальному или этническому меньшинству, имеет право свободного решения вопроса о том, следует ли рассматривать его как представителя данного меньшинства или нет, и данный выбор, как и использование вытекающих из него прав, не влечет за собой никаких негативных для данного человека последствий»²¹. Статья 4.2. подчеркивает, что «никто не обязан (никого нельзя заставить на незаконной основе) сообщать информацию о собственной принадлежности к меньшинству, о своем происхождении, о своем отношении (принадлежности) к языку или религии меньшинства»²².

²⁰ Ustawa z dnia 6 stycznia 2005 r. O mniejszości narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym, Dz.U. 2005, nr 17, poz. 141.

²¹ Там же.

²² Там же.

Закон обязывает органы власти противодействовать любой дискриминации, вытекающей из принадлежности человека к национальному или этническому меньшинству.

Статья 5.1. этого Закона запрещает использование средств, имеющих своей целью ассимиляцию лиц, относящихся к национальному или этническому меньшинству, если таковые средства используются вопреки их воле. Статья 5.2. запрещает использование средств, целью которых является изменение пропорций в этническом составе населения на территориях, где проживает национальное меньшинство²³. Этот запрет полностью соответствует и статье, включенной в Договор между Литвой и Польшей от 26 апреля 1994 года, в котором подчеркивается, что „стороны воздержатся от каких бы то ни было действий, которые могут привести к ассимиляции членов национального меньшинства вопреки их воле”²⁴.

Надо сказать, что права, данные Законом 2005 года национальным меньшинствам Польши, весьма ограничены. Тем не менее они безусловно отвечают гуманным основам Европейского Союза и принципам международного права. Записанные в Законе положения и нормы затрагивают широкую сферу культуры, общественного сознания и нравственности, прав человека (запрет дискриминации по национальному признаку; запрет ассимиляции вопреки воле представителей национального или этнического меньшинства; принадлежность к национальному или этническому меньшинству на основе свободного волеизъявления гражданина, которого никто не в праве принудить доказывать данную принадлежность; возможности развития языка, просвещения, доступа и распространения информации и т.д.) и совершенно не затрагивают каких-либо аспектов государственного устройства (никакие формы территориальной автономии, национально-государственного самоуправления, двойного гражданства, особого пограничного статуса территорий и т.п. не предусматриваются).

Не предусматривает Закон 2005 года также никаких льгот (мандатов, специально созданных по национальному принципу выборных

²³ Там же.

²⁴ Dz.U. 1995, nr 15, poz. 17.

округов и т.п.), облегчающих возможность избрания и участия представителей национальных меньшинств в высших органах власти.

В соответствии с Законом от 6 января 2005 года, язык национального меньшинства, – язык, которым представители этого меньшинства могут „свободно пользоваться в частной и общественной жизни” (статья 8), может также играть роль „вспомогательного языка” (*język pomocniczy*), на котором граждане, проживающие в местностях, внесенных в специальный Правительственный Реестр (*Urzędowy Rejestr Gmin*) на том основании, что представители данного национального меньшинства в данной местности составляют не менее 20% всего ее населения, могут обращаться в административные органы, получать информацию, использовать этот язык для дополнительных названий географических объектов, поселений, улиц и т.п. (за исключением восстановления названий, данных местностям или иным объектам в период между 1933 и 1945 годами властями Третьего Рейха или Советского Союза).

Законом предусматривается выделение бюджетных средств (без установления, в каком размере, в каком соотношении к требуемым расходам) «для поддержки деятельности, направленной на защиту, сохранение и развитие культурной идентичности меньшинства»²⁵, в том числе на развитие художественного творчества, на издание книг, газет и другой печатной продукции на языках меньшинств, на поддержку соответствующих программ радио и телевидения, на охрану памятных мест культуры национальных меньшинств, на организацию библиотек и архивов, на обучение и воспитание детей и молодежи, на распространение знаний об истории и культуре национальных и этнических меньшинств.

Подчеркивая все позитивные стороны польского законодательства, направленного на защиту национальных и этнических меньшинств, – а действующий ныне Закон от 6 января 2005 года является, можно сказать, вершиной этого законодательства, – мы не можем скрыть и тех сомнений, и тех вопросов, которые неизбежно возникают в связи с принятием и действием этого Закона, и общего ощущение

²⁵ Ustawa z dnia 6 stycznia 2005 r. O mniejszości narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym, Dz.U. 2005, nr 17, poz. 141.

ния его далеко не полного совершенства. В самой дефиниции национальных и этнических меньшинств, сформулированной в данном Законе, а тем более в конкретном, поименном перечне национальных и этнических меньшинств, официально признанных польским государством на основе этого Закона, содержатся определенные противоречия и странности, а также моменты, свидетельствующие о том, что теория, на основе которой был разработан данный Закон, не вполне соответствует исторической реальности.

Обратим внимание прежде всего на то, что «меньшинство» определяется в этом Законе как «группа польских граждан» (лиц, имеющих польское гражданство), что в принципе отличает представителей национального или этнического меньшинства от иностранцев, временно или постоянно проживающих на территории Польши. Теоретически это правильно. Однако, практически политика польского государства по отношению к национальным и этническим меньшинствам нередко строится с учетом принадлежности к этим меньшинствам людей, проживающих в Польше, но не имеющих польского гражданства. Напомним в этой связи о так называемых «признанных» польским законодательством немцах, оказавшихся после войны в новых границах Польского государства. Они не были польскими гражданами, а потому, соответственно букве Закона, и не формировали на территории Польши немецкого национального меньшинства. В действительности, однако, они составляли именно группу немецкого национального меньшинства, на исходном, послевоенном этапе еще весьма крупную по своей численности (в 2,5–3 миллиона человек), потом постепенно редевшую, уменьшавшуюся, и все акции, все меры, предпринимаемые польским государством в отношении этих немцев (часть которых удерживалась в Польше вопреки их воле, ибо Польша нуждалась в их рабочих руках и технических знаниях) была частью отнюдь не внешней, а внутренней политики, направленной на уточнение статуса и общую стабилизацию положения данного национального меньшинства: ему было разрешено создать свою общественную организацию, издавать свой печатный орган в Польше на немецком языке, учить детей в немецких школах и так далее. Мы знаем, что права этого меньшинства в ПНР не были законодатель-

но гарантированы и на практике постоянно нарушались (школы закрывались, заработок немецких рабочих и служащих был ниже, чем заработок трудящихся других национальностей, сфера применения немецкого языка была ограничена, и т.д.), однако без этого драматического периода, вообще, невозможно представить себе историю немецкого меньшинства в Польше. Таким образом, формировалось и развивалось это меньшинство в известной мере независимо от того, имели или не имели его представители польское гражданство, получили они это гражданство позднее или так никогда и не получили его, со временем покидая Польшу или оставаясь здесь в качестве граждан ФРГ или лиц без гражданства.

И не только в прошлом, в истории ПНР, но и на современном этапе во многих случаях совершенно очевидно расхождение между буквой Закона и реальным положением (численностью, активностью, культурной деятельностью) национального меньшинства. Если бы, например, к современному армянскому или к современному русскому национальному меньшинству в Польше мы, строго следуя Закону, причисляли бы только тех армян и тех русских, которые имеют польское гражданство, мы имели бы дело с ничтожно малыми по численности группками людей, которые просто физически не были бы в состоянии развить ту многогранную деятельность, прежде всего на ниве культуры, какую на самом деле развивают сегодня армянские и русские общественные организации в Польше, объединяя в своих рядах людей, в том числе членов смешанных семей, экономических мигрантов последних двух десятилетий, независимо от того, имеют ли они польский паспорт или только «вид на жительство», в том числе на проживание постоянное (*karta stałego pobytu*) и временное (*karta czasowego pobytu*).

Из приводимой ниже таблицы, составленной на основе данных всеобщей переписи населения в Польше 2002 года, видно, как велика доля постоянно проживающих в Польше людей – причем как среди представителей признанных Законом национальных меньшинств (русских, армян, чехов), так и среди непризнанных, не упомянутых в Законе 2005 года национальных меньшинств (например, вьетнамцев, болгар, греков), не имеющих польского гражданства. 46,6% рус-

ских, проживающих в Польше, 56% чехов, 75,4% армян не имеют польского гражданства и при этом относятся к группам, признанным как национальные меньшинства Польши.

Население Польши по данным переписи 2002 года, выявляющим национальность (декларированную принадлежность к этнической группе) жителей, их численность и процентную долю среди них лиц, имеющих польское гражданство, не имеющих польского гражданства, а также лиц, чье гражданство не установлено.

Декларированная национальность	Общая численность	Численность лиц данной национальности, имеющих польское гражданство	Доля лиц, имеющих польское гражданство, в общем числе лиц данной национальности в %	% лиц, не имеющих польского гражданства	% Лиц с неустановленным гражданством
Польская	36.983.720	35.895.241	99,8	0,0	0,2
Непольская	471.475	444.590	94,3	5,4	0,3
Силезская	173.153	172.682	99,7	0,1	0,1
Немецкая	152.897	147.094	96,2	3,6	0,2
Белорус.	48.737	47.640	97,7	2,0	0,3
Украинская	30.957	27.172	87,8	12,1	0,1
Цыганская	2.855	12.731	99,0	0,1	0,9
Русская	6.103	3.244	53,2	46,6	0,3
Лемковская	5.863	5.850	99,8	0,1	0,1
Литовская	5.846	5.639	96,5	3,0	0,5
Кашубская	5.062	5.053	99,8	0,0	0,2
Словацкая	2.001	1.710	85,5	14,5	–
Вьетнам.	1.808	436	24,1	75,1	0,8
Француз.	1.633	1.048	64,2	35,3	0,5
Американ.	1.541	992	64,4	35,4	0,2
Греческая	1.404	786	56,0	43,6	0,4
Итальян.	1.367	835	61,1	38,6	0,3
Еврейская	1.133	1.055	93,1	6,4	9,4
Болгарская	1.112	404	36,3	63,4	0,3

Декларированная национальность	Общая численность	Численность лиц данной национальности, имеющих польское гражданство	Доля лиц, имеющих польское гражданство, в общем числе лиц данной национальности в %	% лиц, не имеющих польского гражданства	% Лиц с неустановленным гражданством
Армянская	1.082	262	24,2	75,4	0,4
Чешская	831	386	46,5	53,2	0,4
Английская	800	350	43,8	56,0	0,3
Другие	11.063	5.571	50,4	49,2	0,5
Неустановл. Непольская	4.227	3.650	86,3	9,6	4,0
Неустанов.	774.885	189.920	24,5	0,2	75,3

Источник: Данные Всеобщей Национальной Переписи населения и мест проживания, проведенной в Польше в 2002 году опубликованы в Отчете Главного Статистического Управления (Raport z wyników Narodowego Spisu Powszechnego Ludności i Mieszkań 2002, Główny Urząd Statystyczny, Warszawa 2003), а также в книге: L. Adamczuk, S. Łodziński (red.), *Mniejszości narodowe w Polsce w świetle Narodowego Spisu Powszechnego z 2002 roku*, Warszawa 2006, s. 45.

Данные, приведенные в таблице, интересны еще и в том плане, что они выявляют явное расхождение Закона от 6 января 2005 года с декларированной национальной идентичностью многих представителей меньшинств, с их собственным пониманием своей национальности. Это расхождение имеет весьма серьезные практические последствия для «непризнанных» меньшинств, поскольку только получившие по Закону 2005 года официальный статус национальных и этнических меньшинств народы получают в Польше чрезвычайно важную для их существования и культуры материальную и моральную поддержку со стороны государства.

На первом месте среди всех жителей Польши, кто не считает себя этническими поляками и декларирует иную (непольскую) национальность, находятся так называемые «силезцы», люди «силезской» национальности. Их даже больше тех, кто считает себя немцами. Закон «силезскую национальность» не признает (попытка силезцев отстаивать свои права в Страсбургском суде окончилась неудачно).

В данном случае Закон опирается на этнологическую теорию, которая утверждает, что понятие «силезец» определяет не национальную, а региональную принадлежность человека, и жителям Силезии самим надо решить, являются ли они немцами или славянами (поляками, чехами). Однако, наука и право расходятся с убеждениями этих жителей, среди которых только часть считает себя этническими немцами, чехами или поляками, в то время как весьма значительная группа (более 170 тысяч человек) состоит из лиц, убежденных в том, что они имеют свой особенный язык, свою культуру, свое происхождение и не являются ни немцами, ни чехами, ни поляками, а формируют в Польше самостоятельное этническое меньшинство²⁶.

Еще более очевидное расхождение возникает между Законом (и этнографическими теориями, на которые он опирается) и самосознанием граждан в том случае, когда речь идет о кашубах Приморского региона. 5.062 человека (причем все, за мизерным исключением в 9 человек, – граждане Польши) на вопрос о их национальности, включенный в перепись населения, убежденно и однозначно ответили: «Кашуб / кашубка». Польское государство в своем законодательстве этот факт практически игнорировало, признав только кашубский язык в качестве регионального языка, но не признав ни кашубскую национальность, ни существование в Польше кашубского этнического меньшинства. Можно сказать, вопреки закону это меньшинство, однако, существует реально, развивает свою культуру, многогранную общественную и политическую деятельность и в численном отношении значительно превосходит такие признанные этнические меньшинства Польши, как группы татар и караимов²⁷. Не-

²⁶ Подробнее об этом см.: W. Misiak (red.), *Studia nad procesami integracji i dezintegracji społeczności Śląska*, Wrocław 1993; K. Wódz, J. Wódz, *Ideologia regionalna a problemy świadomości regionalnej na Górnym Śląsku. Problemy dynamiki zjawiska*, [w:] *Europa państw – Europa narodów. Problemy etniczne Europy Środkowo-Wschodniej*, red. G. Babiński, W. Miodunka, Kraków 1995, s. 129–140; Z. Kurcz, *Postulowany naród śląski i śląska ideologia narodowa*, [w:] *Mniejszości narodowe i etniczne w procesach transformacji oraz integracji*, red. E. Michalik, H. Chałupczak, Lublin 2006, s. 355–378.

²⁷ Положение кашубов в качестве автохтонной этнической группы в Польше подробно освещено в исследованиях: H. Popowska-Taborska, *Kaszubszczyzna. Zarys dziejów*, Warszawa 1980; J. Borzyszkowski, *Istota ruchu kaszubskiego i jego przemiany od połowy XIX wieku po współczesność*, Gdańsk 1982; G. Labuda, „Sprawa kaszubska”

признание кашубов в качестве этнического меньшинства выглядит особенно нелогичным в контексте включения в список законодательно признанных меньшинств Польши, наряду с украинским национальным меньшинством, также лемков в качестве этнического меньшинства. Лемки представляют собой этнографическую группу украинского народа и не имеют даже никакого «собственного» языка, отличного от украинского (особенности местных диалектов в данном случае несущественны; если все их принимать во внимание, то каждый народ можно поделить на десятки групп, и на европейской карте, вообще, не останется ни русских, ни поляков, ни немцев, ни литовцев, ни латышей, ибо каждый национальный язык имеет свои местные диалекты). Можно допустить, что Закон 2005 года исходит из тех этнографических версий (они имеют достаточно солидную аргументацию), согласно которым кашубы – не отдельный западно-славянский этнос, а этнографическая группа польского народа, подвергнутая сильной германизации и имеющая свои региональные особенности. Мне кажется, что у кашубов гораздо больше объективных оснований для того, чтобы считать себя отдельным этносом, а не этнографической группой внутри польского народа, но я готова согласиться, пусть будет этнографическая группа; все равно при этом совершенно непонятно, почему же лемки, представляющие собой этнографическую группу украинского народа, занимают свое место среди признанных Польским государством этнических меньшинств, а кашубам (носителям самостоятельного языка, признанного региональным!) такого места не предназначено. И как можно признать кашубский язык в качестве регионального языка, если не признавать сам кашубский народ и никак не определять его статус в составе населения Польши? Если нет кашубов как народа, как «эт-

w perspektywie historii, Gdańsk 1988; L. Bądkowski, *Twarzą do przyszłości. Kaszubsko-pomorskie drogi*, Gdynia 1991; E. Breza (red.), *Problem statusu językowego Kaszubszczyzny*, Gdańsk 1991; G. Labuda, *O Kaszubach*. Gdynia 1991; B. Synak, *Tożsamość kulturowo-etniczna Kaszubów a idea krajowości (regionalizmu)* „Kultura i Społeczeństwo” 1991, nr 2; J. Borzyszkowski, *Świat kaszubskich wartości*, „Pomerania” 1992, nr 12; M. Latoşzek, *Grupa etniczna w Polsce – możliwe warianty przemian (ze szczególnym uwzględnieniem Kaszubów)*, [w:] *Europa państw – Europa narodów. Problemy etniczne Europy Środkowo-Wschodniej*, red. G. Babiński, W. Miodunka, Kraków 1995, s. 141–156.

нического меньшинства», то кому же принадлежит кашубский язык – инопланетянам? Или, может быть, польский народ оказывается двуязычным и поляки имеют не один, а два «родных языка» – польский и кашубский? Теоретически такое положение возможно, но Закон в данном случае ни на действительность, ни на научную теорию не опирается, а совершенно произвольно признает лемков этническим меньшинством, а кашубов просто игнорирует.

Далеко несовершенным с научной точки зрения и просто с позиций здравого смысла является и то положение Закона от 6 января 2005 года, сформулированное как пятый признак национального или этнического меньшинства, согласно которому предки представителей данной этнической группы должны находиться на территории современной Польши не менее 100 лет. Сто лет тому назад (на момент принятия Закона это был бы 1905 год) и в значительно более давнее время, скажем в XIX веке, чтобы не погружаться в еще более древнюю старину, на нынешней территории Польши, кроме людей тех национальностей, какие официально признаны Законом в качестве национальных и этнических меньшинств, находились (и жили продолжительное время, и весьма активно участвовали во многих сферах производства, торговли, общественной, культурной, политической жизни) представители многих других народов (современных наций), которые почему-то в силу Закона 2005 года в качестве национальных меньшинств Польши не признаны. Скажем, к примеру, представители австрийской администрации, войска, жандармерии, научной элиты в университетах так называемой «Малой Польши», находившейся под австрийским «забором», в составе Австро-Венгрии, составляли никак не меньшую ни по своей численности, ни по своей роли группу, чем русские на той территории, которая оказалась под властью Российской империи. Согласно положению Закона о столетней давности пребывания в стране, и нынешних австрийцев, проживающих в Польше, независимо от малой численности этой группы (но уж никак не меньшей, чем, к примеру, этническая группа караимов численностью в 45 человек), следовало бы отнести к категории национального меньшинства. Этого, однако, никто не делает, что свидетельствует о том, что данное положение Закона практически

не действует. Еще более это очевидно на примере кавказских народов, среди которых только один – армяне – признан как национальное меньшинство в Польше. Тем временем на нынешней территории Польского государства армян сто лет тому назад (как и ныне!) было не больше, чем, например, грузин, азербайджанцев, чеченцев (другое дело – Львов, где, действительно, существовала крупная и очень давняя армянская колония, но Львов нхрдится за пределами современной территории Польского государства). В Варшаве есть так называемое Кавказское кладбище, старейшие захоронения которого относятся к XIX веку, и судя по этим захоронениям и азербайджанцев, и грузин, и лезгин, и осетин, и черкесов следует считать представителями народностей, проживавших на территории Польши более ста лет, а соответственно имеющих равные с армянами права на то, чтобы официально признать их представителями национальных или этнических меньшинств Польши. На практике это равенство, однако, не реализовано.

Несостоятельность самого подхода к определению национальных и этнических меньшинств на основе измерения длительности их пребывания в Польше при помощи такой «единицы времени», как 100 лет, становится очевидной, если задуматься, что же может измениться по существу в положении этнической группы, если кто-то сумеет высчитать и доказать, что предки представителей этой группы «присутствовали», или проживали на территории современной Польши, скажем, 98 или 99 лет тому назад, а через год-два уже, естественно, окажется, что они переступили этот искусственный порог «не менее чем 100 лет».

Немало вопросов и сомнений вызывает также теоретическое размежевание между «национальным» и «этническим» меньшинством на основе шестого сформулированного в Законе признака, а именно отождествления себя с народом, «организованным в собственное государство», или, напротив, невозможности такого отождествления. В данной формулировке уязвимым, нечетким и невразумительным (или архаичным, сформировавшимся в парадигме европейского «нациостроительства» XIX – начала XX веков) остается само понятие «собственного государства». Скажем, является ли современная Рос-

сийская Федерация «собственным государством» русских? А если это все же «собственное государство» многих народов, входящих в Российскую Федерацию, в том числе, к примеру, татар, то может быть, следовало бы и татар в Польше считать представителями не этнического, а национального меньшинства? А если о «собственных государствах» судить только по названиям, выделяющим этноним так называемой «титульной нации», то как быть с народами бывшего СССР, которые до 1991 года имели только «собственные» союзные республики (Армянскую, Белорусскую, Литовскую, Украинскую ССР), кстати тоже считавшиеся «социалистическими государствами» по Конституции СССР, однако независимыми, признанными мировым сообществом («собственными»?) государствами стали только после распада СССР? Неужели украинцы, белорусы, литовцы, армяне в Польше до этого момента были «этническими меньшинствами», а теперь вдруг стали «национальными меньшинствами», хотя в их положении в Польше по сути ничего не изменилось? И были ли евреи в Польше «этническим меньшинством» до 14 мая 1948 года и вдруг сразу в один этот прекрасный день стали «национальным меньшинством», потому что на другом континенте, за тысячи километров от мест их проживания, появилось их «собственное» государство, к которому еврейские граждане ПНР в 1948 году в большинстве своем никакого отношения не имели? Закон об этом умалчивает, но вопросы остаются, и в их свете выявляется несовершенство данного Закона.

Однако, государственная национальная политика (политика Польского государства по отношению к национальным и этническим меньшинствам на его территории) не определяется одними только юридическими актами, статьями Конституции и принятыми законами. В этой реальной политике, включающей и материальные вложения и дотации из государственного бюджета, направленные на развитие культуры, печати, школьной системы национальных и этнических меньшинств, и внимание (или невнимание) к ним в самых различных сферах жизни и повседневной практики, включая воспитание молодежи, содержание школьных и вузовских учебников, со-

оружие памятников²⁸, охрану архитектурного, художественного, археографического наследия, функционирование религиозных центров и храмов, учреждений культуры, театров, музеев, поддержку общественных инициатив, действующую топонимику и ономастику (официальное правописание имен, фамилий, названий городов, сел, улиц, местностей, географических объектов на польском языке и на языках национальных меньшинств), выступления средств массовой информации, – выявляются две противоположные тенденции.

С одной стороны, можно сказать, что сделано и делается в позитивном направлении слишком мало, а препятствий для действительного (не на словах, не в формальных рапортах и радужных отчетах, а на деле) возрождения, социального благополучия и свободного культурного развития национальных меньшинств существует слишком много, чтобы польский опыт мог служить достойным примером для подражания. До сих пор на государственном уровне не дана должная оценка (а главное, не ликвидированы пагубные последствия) таких преступных по отношению к национальным меньшинствам страны акций, как операция «Висла», направленная на насильственную ассимиляцию (геноцид) украинского народа; как еврейские погромы в послевоенной Польше и антисемитские кампании 1956 и 1968 годов; как насилия, грабежи и издевательства над мирным населением Мазурского края²⁹.

²⁸ Еще недавно едва ли не единственным примером успехов национальных меньшинств в сооружении памятников мог служить открытый в городе Сейны в 1999 году памятник выдающемуся литовскому просветителю и поэту Антанасу Баранаскусу, созданный литовским скульптором Гедиминасом Йокубонисом. Сегодня заметным событием стало открытие 25 ноября 2010 года в Гданьске, в Оруньском парке, памятника Польскому татарину. В торжественной церемонии его открытия с военным салютом, строевым маршем военного почетного караула, исполнением гимна Польской республики и национального гимна крымских татар («Я клянусь» на слова Нумана Челеби Джихана) принимал участие Президент Польши Бронислав Комаровский, который произнес взволнованную речь, посвященную историческим заслугам польских татар.

²⁹ Подлинную правду об этих событиях мы узнаем из таких книг, как «Страх» и «Соседи» Гросса, из таких фильмов, как «Счастливого нового года» и «Роза», из научных исследований, из произведений честной, независимой и принципиальной журналистики.

С другой стороны, лед все-таки тронулся, и если принять во внимание, как глубоко была заморожена почва, на которой формировалось в середине и во второй половине XX века отношение польского государства и польского общества (большинства населения) к национальным и этническим меньшинствам в стране, то перемены следует считать поразительными, а сама способность польского народа (десятилетиями загоняемого в националистический тоталитарный тупик) к освоению норм нового, гуманистического мышления, к преодолению негативных стереотипов в восприятии «других» соотечественников и сограждан, к решительному выходу из парадигмы „ein Land – ein Volk (одна страна – одна нация, один этнос)”, достойна восхищения, и ситуация в современной Польше во многих отношениях близка к тому идеалу, к которому должны бы стремиться многие другие, как «старые», так и «новые», молодые европейские демократии.